

Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
направленность (профиль) «Отечественная филология (русский язык и
литература)»

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЕ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Выполнил студент
4 курса группы ОФ-401
очной формы обучения
Беляев Никита Антонович
_____ (подпись)

Научный руководитель:
Венгранович Марина Александровна,
д.ф.н., профессор
_____ (подпись)

Допустить к защите:
Заведующий кафедрой
Венгранович Марина Александровна
_____ (подпись)

«__» _____ 20__ г.

Тольятти
2020

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
направленность «Отечественная филология»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой русского языка и литера-
туры

М.А. Венгранович

(подпись)

« ____ » _____ 2019 г.

ЗАДАНИЕ

на выполнение бакалаврской работы

Студент: **Беляев Никита Антонович**

1. Тема: **Языковая реализация семиотической оппозиции "свой-чужой" в отечественной словесной культуре: диахронический аспект**

2. Срок сдачи законченной бакалаврской работы: 22.06.20 г.

3. Исходные данные: научная и учебная литература по теме исследования, периодические издания, Интернет-ресурсы, словари, учебные пособия, сборники фольклорных текстов, тексты произведений классической литературы, тексты средств массовой информации и др.

4. Содержание работы.

Введение: актуальность, цель, задачи, объект, предмет и методы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, апробация, структура ВКР.

Содержание:

Введение

Глава 1. Теоретические основы изучения языковой картины мира

1.1. Картина мира и её понимание в различных гуманитарных науках

1.2. Особенности русской языковой картины мира

1.3. Бинарные оппозиции как составляющие языковой картины мира

Выводы к 1 главе

Глава 2. Формы и средства языковой реализация оппозиции «свой-чужой» в отечественной культуре

2.1. Оппозиция «свой-чужой» в устном народном творчестве и древнерусских текстах

2.2. Оппозиция «свой-чужой» в языке русской классики

2.3. Оппозиция «свой-чужой» в литературе советского периода

2.4. Оппозиция «свой-чужой» в современном медиапространстве

Выводы ко 2 главе

Заключение

Библиографический список

Научный руководитель _____ М.А. Венгранович
(д.ф.н.)

(подпись)

Задание принял к исполнению _____ Н.А. Беляев

(подпись)

**Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Поволжский православный институт имени Святителя Алексия,
митрополита Московского»**

Кафедра русского языка и литературы

Направление подготовки 45.03.01 Филология
направленность «Отечественная филология»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой
Венгранович Марина Александров-
на, д.ф.н., профессор

(подпись)

« ____ » _____ 2019 г.

КАЛЕНДАРНЫЙ ПЛАН

выполнения бакалаврской работы

на тему: Языковая реализация семиотической оппозиции "свой-чужой" в отечественной словесной культуре: диахронический аспект

студента: Беляева Никиты Антоновича

	Наименование раздела работы	Плановый срок выполнения раздела	Фактический срок выполнения раздела	Отметка о выполнении	Подпись
1.	Поиск литературы и других источников, их предварительное изучение, подготовка списка источников	10.01.20	15.01.20		
2.	Формирование плана исследования, его содержания и структуры	15.01.20	15.01.20		
3.	Написание разделов ВКР				
	Введение	27.01	27.01		
	1 глава	13.02.20	13.02.20		
	2 глава	23.03.20	23.03.20		
4.	Формирование выводов и практических рекомендаций. Написание заключения	04.05.20	04.05.20		
5.	Оформление работы	13.05.20	13.05.20		
6.	Предзащита дипломной работы	04.06.20	04.06.20		
7.	Исправление замечаний	19.06	19.06		
8.	Представление бакалаврской работы на кафедру	19.06	22.06		
9.	Получение отзыва от руководителя и внешней рецензии	22.06	22.06		
10.	Получение справки о проценте оригинального текста	23.06	23.06		
11.	Подготовка доклада и презентации для защиты	24.06	24.06		
12.	Изучение рецензии и отзыва руководителя. Подготовка ответов на замечания.	23.06	23.06		

Научный руководитель
(д.ф.н.)

(подпись)

М.А. Венгранович

Задание принял к исполнению

(подпись)

Н.А. Беляев

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	8
1.1 Картина мира и её понимание в различных гуманитарных науках....	8
1.2 Особенности русской языковой картины мира	15
1.3 Бинарные оппозиции как составляющие языковой картины мира ...	19
Выводы к 1 главе.....	22
ГЛАВА 2. ФОРМЫ И СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ..	24
2.1 Оппозиция «свой-чужой» в устном народном творчестве и древнерусских текстах	24
2.2 Оппозиция «свой-чужой» в словесной культуре XVII-XIX вв.	31
2.3 Оппозиция «свой-чужой» в литературе советского периода	40
2.4. Оппозиция «свой-чужой» в современном медиапространстве.....	45
Выводы ко 2 главе.....	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	51
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	53

ВВЕДЕНИЕ

«Язык всем знаниям и всей природе ключ, Во слове всех существ содержится картина», – писал Г. Р. Державин. Картиной мира в философии, лингвистике, психологии называют представление о мире, отраженное в человеческом сознании, но на протяжении истории это сознание меняется так же, как и меняется представление о своих и чужих. В связи с этим интересно проследить, каким образом в русской картине мира менялись представления о своих и чужих, какими языковыми средствами наполнялась данная семиотическая оппозиция в словесных произведениях той или иной эпохи. Тем более что ранее на наличие языковых компонентов семиотической оппозиции «свой-чужой» в словесной отечественной культуре анализировались только отдельно взятые тексты. В нашей работе рассматриваются тексты различных исторических периодов и жанров с целью выявить диахронию оппозиции «свой-чужой» в русской языковой картине мира на протяжении всей отечественной истории, начиная с первого официально известного международного документа в российской истории – «Русско-византийского договора» 911 года, фольклорных текстов, памятников древнерусской литературы, политических речей ораторов, произведений классической и советской литературы и заканчивая медийными текстами, функционирующими в современном российском обществе. Этими факторами и объясняется актуальность данной работы.

Объектом исследования являются тексты отечественной культуры различных исторических периодов в аспекте проявления в них оппозиции «свой-чужой».

Предмет исследования – языковые средства, реализующие оппозицию «свой-чужой» в текстах отечественной словесной культуры различных исторических периодов.

Цель работы – выявить и описать языковые средства реализации оппозиции «свой-чужой» в текстах словесной отечественной культуры различных исторических периодов.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- 1) изучить научную и учебную литературу по теме исследования;
- 2) отобрать текстовый материал для исследования;
- 3) описать русскую языковую картину мира и дать определение семиотической оппозиции «свой-чужой»;
- 4) проанализировать фольклорные, древнерусские, классические, советские и современные тексты в аспекте реализации оппозиции «свой-чужой», выявить и описать компоненты данной семиотической оппозиции и объяснить их смысловой контекст;
- 5) систематизировать и описать полученные результаты исследования.

Цель и задачи бакалаврской работы определили **методы исследования**. В работе использовались методы изучения и анализа научной и учебной литературы, метод наблюдения за языковым материалом, метод описания, обобщения, метод лингвостилистического анализа текстов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Бинарные семиотические оппозиции, выражающие логические противопоставления как результат социального опыта человека, являются основанием языковой картины мира любого этноса. Языковая картина мира презентуется всеми уровнями языковой системы.

2. «Свой – чужой» является одной из ключевых оппозиций, характерных для человеческого общества в любую историческую эпоху, так как идеи о своём и чужом содержатся в сознании человека изначально, проявляясь во всех сферах его бытия, что подчеркивает его знаковую, семиотическую природу. Данная оппозиция пронизывает все тексты культуры народа, откладываясь в них в виде определенных языковых средств, маркирующих классы с

противоположными оценочными векторами (положительным и отрицательным).

3. Языковая реализация оппозиции «свой-чужой» в текстах словесной культуры наиболее наглядно отражается в лексике, т.к. связь картины мира и слова обусловлена непосредственной обращенностью лексической системы к жизни общества, ее социальной направленностью. Изменения в мировидении и миропонимании народа находят выражение в определенных языковых средствах, фиксирующих динамические процессы в общественной жизни определенного исторического периода.

Научная новизна работы заключается в выявлении системы лексических средств, маркирующих изменение языковой картины мира русского этноса в аспекте семиотической оппозиции «свой-чужой».

Теоретическая значимость работы видится в том, что она вносит определённый вклад в изучение языковой картины мира и ее реализацию в текстах культуры с учетом диахронических изменений, обусловленных социально-историческими процессами в обществе.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов данной работы на занятиях по функциональной стилистике, лингвокультурологии, отечественной истории и политологии в вузе.

Структура бакалаврской работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Перспективы дальнейших разработок, начатых в данной работе, заключаются в том, что возможен более детальный анализ текстов на наличие в них компонентов оппозиции «свой-чужой» абсолютно каждого социально-политического события в отечественной истории, чтобы исследовать эту тему более глубоко и тщательно. Кроме того, возможно продолжить исследование в аспекте реализации оппозиции «свой-чужой» в зарубежной словесной культуре по отношению к русскому этносу.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

1.1. Картина мира и её понимание в различных гуманитарных науках

«Язык всем знаниям и всей природе ключ, Во слове всех существ содержится картина», – писал Г. Р. Державин. Картиной мира в философии, лингвистике, психологии называют представление о мире, отраженное в человеческом сознании. Также иногда используются синонимичные понятия: «видение мира», «образ мира», «мировидение», «восприятие мира», «модель мира», «образ действительности», «тезаурус».

Картина мира выражает «специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Постовалова, 1988]. В картине мира отражены главные компоненты человеческого сознания – познавательный, нравственный, эстетический, которым соответствуют сферы: наука, мораль и право, искусство. Практика создает картину мира и влияет на нее, регулирует поведение человека.

История становления понятия «картина мира» связана с развитием физики на рубеже XIX–XX веков. Термин «картина мира» был введен Людвигом Витгенштейном как термин философии и логики в его «Логико-философском трактате» для обозначения системы образов, которые взаимосвязанно отражают всю совокупность достигнутых наукой результатов познания мира. С 60-х годов прошлого века проблема картины мира стала рассматриваться семиотикой (труды немецкого ученого Лео Вайсгербера) при исследовании первичных моделирующих систем (языка) и вторичных систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, кино, живописи, архитектуры).

Интерес к языковой картине мира проявлялся еще в работах В. Гумбольдта. Одним из основоположников современного учения о языковой картине мира считается немецкий ученый И. Гердер.

Отечественные философы (Г.А. Брутян, Р. И. Павиленис) и лингвисты (Ю. Н. Караулов, Г. В. Колшанский, В. И. Постовалова, Г. В. Рамишвили, Б. А. Серебренников, В. Н. Телия и др.) различают концептуальную и языковую картины мира. Мы же вслед за В.В. Морковкиным полагаем, что противопоставление концептуальной и языковой картины мира не вполне корректно ввиду формальной разноплановости, разнонаправленности этих терминов. Термин «языковая картина мира» указывает на то, что носителем картины мира является язык, тогда как термин «концептуальная картина мира» указывает на то, из каких элементов складывается обсуждаемый «гносеологический объект» [Морковин, 1996, с. 52]. Эклектичность такого противопоставления проявляется также и в том, что концепты, по мнению большинства лингвистов, являются основными единицами языковой картины мира. Более приемлемым нам представляется термин **картина мира**, который в настоящей работе будем употреблять как синоним **концептуальной картины мира**.

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Границы между ними кажутся зыбкими, неопределенными [Караулов, 1976, с. 271]. Попытаемся увидеть различия между картиной мира и языковой картиной мира. **Мир** – это человек и среда в их взаимодействии. Отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке – это **картина мира**. Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, – это **языковая картина мира**.

Картина мира – ментальное образование, хотя мышление вне языка фактически невозможно, поскольку это одна из ипостасей ментально-лингвального комплекса наряду с сознанием и языком [Морковин, 1996, с. 19-23]. Основные элементы картины мира – информемы – некоторые информационные целостности. Картина мира экспонируется в языке, в жестах, в изобразительном искусстве и музыке, ритуалах, вещах, этикете, мимике, мо-

дах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, в социокультурных стереотипах поведения людей и т.д.

Языковая картина мира – это ментально-лингвальное образование, ее элементами являются концепты, т.е. означенные информемы. Экспонентом языковой картины мира служит этнический язык.

Как видно из вышеизложенного, основанием дифференциации картины мира и языковой картины мира является фиксированность и представленность информации в языке.

Языковая картина мира, сопрягаясь с картиной мира и налагаясь на нее, полностью ее не покрывает. «Языковая картина мира способна отобразить лишь часть образа мира» [Залевская, 2003, с. 46]. Проистекает это из противоречия между бесконечностью мира и конечным числом дискретных единиц языка [Залевская, 2003, с. 43]. Е.С. Кубрякова высказывает мнение о встроенности языковой картины мира в концептуальную как части в целое: «Языковая картина мира ... рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [Кубрякова, 1988, с. 169].

Е.С. Кубрякова выделяет три зоны «влияния языка на формирующиеся концепты и понятия», т.е. зоны, в которых проявлено несоответствие концептуального языковому, изображая их в виде соприкасающихся, встроенных друг в друга кругов разной величины, разного диаметра. Первая зона отражает непосредственное влияние языка на формирующиеся концепты и понятия; вторая – опосредованное обобщениями и абстракциями, сформированными на основе свойств языковых знаков и их функционирования на основе значений, извлекаемых из языковых форм и затем абстрагированных, третья зона не имеет вербального выражения [Кубрякова, 1988, с. 145-146].

В.А. Маслова полагает, что «концептуальная картина мира гораздо богаче, чем языковая картина мира» [Маслова, 2004, с. 50]. В доказательство

приводится тот факт, что концептуальная картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических и других параметров.

Объектом изучения лингвистики все-таки является языковая картина мира, так как ее экспонентом служит язык. Поэтому более подробно остановимся на особенностях языковой картины мира.

В отечественной лингвистике проблема языковой картины мира начала разрабатываться в связи с тезаурусным изучением лексики (работы Ю.Н. Караулова). Данной проблемой занимались Г.А. Брутян, С.А. Васильев, Г.В. Колшанский, Н.И. Сукаленко, Е.С. Яковлева, М. Блэк, Д. Хаймс. В 1988 году вышла коллективная монография «Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира» (М, 1988). В настоящее время картина мира рассматривается в трудах Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, В.В. Морковкина, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко.

Итак, языковая картина мира – ментально-лингвальное образование, информация об окружающей действительности, запечатленная в индивидуальном или коллективном сознании и реализующиеся через средства языка.

«Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, – пишет А.М. Лурия, – заключается в том, что мир удваивается. С помощью языка, который обозначает предметы, он может иметь дело с предметами, которые непосредственно не воспринимаются и которые не входят в состав его собственного опыта... Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами» [Лурия, 1975, с. 8].

В рамках языковой картины мира осуществляется связь языка с мышлением, окружающим миром, культурными и этническими явлениями, а также явлениями внутри самого языка. «Язык есть система понимания, то есть, в конечном счете, миропонимания; язык и есть само миропонимание», – писал А.Ф. Лосев [Лосев, 1993, с. 822].

Каждый естественный этнический язык имеет особую картину мира, т.е. отражает определенный способ восприятия и организации мира. Языковая личность организует содержание высказывания в соответствии с языковой картиной мира, и в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Наличие специфических языков приводит к возникновению специфических языковых картин мира у представителей разных народов. Но существуют также индивидуальные картины мира, которые различаются у разных людей. И это следует учитывать, говоря о типологии языковых картин мира.

В научной литературе (Апресян Ю.Д., Маслова В.А., Постовалова В.И.) предложены различные типологии языковых картин мира. В целом классификация языковых картин мира, на наш взгляд, возможна по следующим трем основаниям.

1. По субъекту (носителю) языковой картины мира.

«Существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром» [Постовалова, 1988, с. 32]. Различаются индивидуальные языковые картины мира, или картины мира языковой личности, и коллективные, или «софийные», языковые картины мира. Следует учитывать, что индивидуальные языковые картины мира образуют в своей совокупности целостную языковую картину этноса. В то же время этническая языковая картина мира является вневременной, постоянной, базовой составляющей картины мира языковой личности. Наиболее крупная коллективная языковая картина мира – этническая, но могут выделяться внутри нее групповые языковые картины мира: территориальных, социальных, профессиональных сообществ, а также языковые картины мира взрослых и детей.

2. По объекту, отображаемому языковой картиной мира.

Языковая картина мира всегда отображает объективную действительность, окружающий мир. Однако в ней может быть представлен либо мир целиком, во всем многообразии его связей и обусловленностей, либо фрагмент этого мира:

а) по объему отображаемого объекта выделяются целостная, глобальная языковая картина мира – таковы мифологические, религиозные, философские, общенаучная – и локальные языковые картины мира. К последним относятся профессиональные и частнонаучные картины мира: физическая, химическая, биологическая, геологическая, техническая (научная картина техносферы), социологическая, кибернетическая, математическая, информационная и др. В этой связи говорят о картине микромира, макромира, мегамира. В соответствии с характером и результатом деятельности субъекта-созерцателя, интерпретатора признаются рационально обработанные картины мира (функциональные, информационные, теоретико-вероятностные и др.) и картинно-образные (художественные) [Климкова, 2007, с. 27].

б) по качеству отображаемого объекта различают научную и наивную языковые картины мира.

Наивная языковая картина мира – это знание «обычного» человека о мире, в котором он живет и действует, в ней отражается цельный «наивный» взгляд на мир, это «стихийно складывающееся, закрепленное в обыденной практике представление о внешнем мире» [Уфимцева, 1988, с. 17]. Выражаемые в нем значения складываются в единую для носителей данного языка систему мировидения, включающую в себя наивную физику пространства и времени, наивную физиологию, наивную этику, наивную политологию и пр. Ю.Д. Апресян подчеркивал донаучный характер наивной языковой картины мира, отмечая, что она не совпадает с научной картиной мира, а сохраняет в себе архаические представления, например: *солнце встает, садится; дождь идет*. Наивная картина мира создается обыденным человеческим мышлением, которое «неспособно глубоко проникнуть в сущность предметов и явлений», в отличие от научного мышления «обычно довольствуется результатами поверхностных наблюдений» [Серебренников, 1988, с. 106].

3. По способам языковой репрезентации (экспонентам) языковой картины мира.

Выделяются языковые картины мира, соответствующие компонентам общенационального языка: литературная языковая картина мира и территориально, социально, профессионально ограниченные. Можно выделить также языковые картины мира, соотносимые с функциональными разновидностями литературного языка. Отмечаются даже языковые картины мира отдельных ситуаций, лексико-семантических вариантов многозначного слова как микромиров и др.

Языковая картина мира репрезентируется всеми уровнями языковой системы того или иного этноса: «Составными частями картины мира являются слова, формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции» [Серебренников, 1988, с. 107].

Наиболее наглядно характер языковой картины мира представлен в лексике, ведь именно благодаря ей возможно «членение» действительности, выделение в макрокосме и микрокосме отдельных объектов, на которые направлено внимание носителя языка. Связь картины мира и слова обусловлена непосредственной обращенностью лексической системы к жизни общества, социальной направленностью, что определяет и другие ее специфические черты: открытость, проницаемость, множественность составляющих элементов.

Признавая ведущую роль лексики в создании языковой картины мира, исследователи предупреждают о том, что не следует гиперболизировать роль отдельного слова в общем полотне языковой картины мира. Так, Ю.Н. Караулов замечает: «Отдельное слово с точки зрения положения его в иерархии аналогично «элементарному объекту» и поэтому, как и атом, «неразличимо» на том уровне, где складывается «картина мира», хотя в том, чтобы считать каждое отдельное слово элементом картины мира, нет принципиальной ошибки» [Караулов, 1976, с. 268].

Учитывая ведущую роль лексики в формировании языковой картины мира, не следует забывать и о различных текстах, являющихся «воплотителями» языковой картины мира: поэтические, научные, философские, публи-

цистические, пословицы и поговорки. Попутно заметим, что в семиотике всякая форма реализации картины мира: языковые тексты, социальные институты, памятники материальной культуры – называется текстом. Таким образом, языковая картина мира представляется как на уровне единицы языка, так и на уровне разного рода текстов.

1.2. Особенности русской языковой картины мира

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Владение языком предполагает владение картиной мира, отраженной в этом языке. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски. Однако смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую концептуализацию мира, общую для всех говорящих на данном языке. Напротив того, представления, формирующие языковую картину мира, входят в значения языковых выражений в неявном виде и в норме не попадают в фокус внимания говорящих. В результате человек, говорящий на данном языке, обычно принимает их на веру, как нечто само собой разумеющееся, не задумываясь и сам того не замечая; у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь.

При сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные. Так, носителям русского языка кажется очевидным, что в психической жизни человека можно выделить интеллектуальную и эмоциональную сферу, причем интеллектуальная жизнь связана с головой, а эмоциональная – с сердцем. Мы говорим, что у кого-то светлая голова или доброе сердце; думаем и запоминаем головой (поэтому, задумавшись, мы подчас «чешем в за-

тылке», а внезапно вспомнив что-то, мы можем стукнуть себя по лбу), а чувствуем сердцем и, переволновавшись, хватаемся именно за сердце. Мы понимаем, что иногда бывает так, что «ум с сердцем не в ладу». Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что такая картина мира вовсе не универсальна. Скажем, в языке ифалук внутренняя жизнь связывается с кишками, а в языке догон подобную же роль играет печень. В древнееврейской концептуализации мира сердце является органом понимания, так что используемое в русском переводе Священного Писания словосочетание *ожесточение сердец* указывает в первую очередь на непонятливость, а не на бесчувствие и жестокость, как это может казаться современному русскому читателю. Разумеется, это связано не с особенностями анатомии носителей различных языков, а с тем, что концептуализация мира в различных языках оказывается различной.

Истинность неявных компонентов смысла, формирующих языковую концептуализацию мира, носители языка обычно воспринимают как нечто само собою разумеющееся, пока кто-то не поставит ее под сомнение. Таким образом, в соответствии с предложенным пониманием «языковая концептуализация мира» определенного языка – это система представлений, входящих в значение языковых единиц данного языка. Сравним следующие представления, характерные для русской языковой концептуализации мира:

- «в жизни всегда может случиться нечто непредвиденное» (если что, в случае чего, вдруг), но при этом «всего все равно не предусмотреть» (авось);
- «чтобы сделать что-то, бывает необходимо предварительно мобилизовать внутренние ресурсы, а это не всегда легко» (неохота собираться/собраться, выбраться), но зато «человек, которому удалось мобилизовать внутренние ресурсы, может сделать очень многое» (заодно); «человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо» (простор, даль, ширь, приволье, раздолье), но

«необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту» (неприкаянный, маяться) [Караулов, 1987; Кочнова, 2013].

Для русской языковой концептуализации мира характерно также восприятие мира на основе оппозиции «горнего» и «дольнего» (сравните такие пары слов, как быт - бытие, добро - благо, радость - удовольствие). При этом излишнее внимание к «дольнему», к быту, к мелочам жизни никак не одобряется. О том, что с точки зрения русской языковой концептуализации мира хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив, свидетельствует, в частности, положительная окрашенность слов *широта* и *размах* и резко отрицательная оценка мелочности (сравните также отрицательную окраску таких слов, как *корысть*).

По тем же причинам этически сомнительной для носителей русского языка оказывается категория удовольствия (в отличие от бескорыстной радости). Императив *enjoy it*, столь характерный для англосаксонского взгляда на мир, трудно переводим на идиоматический русский язык. Единственный вид удовольствия или даже наслаждения, не только не осуждаемого, но даже поощряемого общественным мнением, – это эстетическое наслаждение, выраженное, в частности, характерным русским глаголом *любоваться*. Бескорыстное любованье находит отражение в положительной окраске таких лингвоспецифичных единиц, как, например, с трудом поддающееся переводу слово *удаль*.

Поскольку показательными для языковой концептуализации мира являются неявные смыслы, их обнаружение, как правило, требует детального семантического анализа. Иногда делаются поверхностные или неточные суждения об особенностях русской языковой концептуализации мира, вроде следующих: «Русским свойственна ленивая беспечность, что находит отражение в одном из самых характерных русских слов - слове *авось*»; «Тот факт, что для русского синтаксиса характерны безличные предложения, свидетельствует о том, что для русских свойственно представление о некоей фатальной непостижимой силе, которой нет названия»; «Частотность слова *судьба* в

русской речи говорит о фатализме русских» [Вежбицкая, 1996]. Такие суждения дают упрощенное или прямо неверное представление о специфике картины мира, задаваемой русским языком. Более того, нередко суждения такого рода противоречат одно другому. Так, положительно окрашенное слово *задушевность* иногда рассматривается как свидетельство склонности русских к неформальному общению, когда они готовы поведать друг другу свои сокровенные мысли и чувства. С другой стороны, можно было бы полагать, что отрицательно оцениваемое действие *лезть в душу* говорит о неприятии навязчивой фамильярности и демонстрирует представление о неприкосновенности личной сферы. Простор в описаниях русской языковой концептуализации мира может представлять как большая ценность (ничто не давит, не стесняет), но может связываться с опасностями и дискомфортом; в первом случае большие пространства противопоставляются тесноте, во втором – уюту. Установке на авось как будто противоречит желание застраховаться от любых возможных неожиданностей, лежащее в основе таких выражений, как *на всякий случай, мало ли что, а вдруг*.

Однако подробный анализ семантики русских языковых выражений в их реальном функционировании позволяет уточнить формулировку ключевых идей русской языковой концептуализации мира. Так, русские безличные конструкции как таковые вовсе не обязательно несут представление о стихийной, фатальной и непостижимой силе. Но действительно в семантику некоторых русских конструкций (причем не только безличных) входит представление, согласно которому то, что произошло с человеком, хотя бы и в результате его собственных действий, случилось как бы само собою (это представление, выраженное, кстати, и в знаменитом и часто цитируемом афоризме главы российского правительства в 1992-1998 годах Виктора Черномырдина: *Хотели, как лучше, а получилось, как всегда*, может быть отнесено к числу сквозных мотивов русской языковой картины мира). Акцент в этом случае делается не на субъективной воле действующего лица, а на объективном результате его действий. Вместо того чтобы сказать: Я не приду завтра

на работу - носитель русского языка скорее скажет: Меня не будет завтра на работе; вместо того чтобы сказать: Мы купили стиральную машину - носители русского языка часто говорят что-нибудь вроде: У нас появилась стиральная машина.

Тщательный семантический анализ показывает, что в большинстве случаев «противоречия» в представлениях, формирующих русскую языковую концептуализацию мира, оказываются мнимыми: оказывается, что они отражают разные стороны одного и того же взгляда на предмет. Так, положительная эмоциональная окрашенность дали, шири, приволья, раздолья вовсе не противоречит тяге к уюту: вдаль от городской суеты можно наслаждаться простором и жить в уютных помещениях. И в том, и в другом случае ключевым оказывается тяга к покою, который может быть достигнут как тем, что вокруг большое пространство, в которое не вторгаются никакие внешние раздражители (покой и простор), так и отгороженностью от полных опасностей внешнего мира, характерной для уюта.

Таким образом, мы можем сказать, что основной чертой русской языковой личности является душевно-когнитивная свобода в сочетании с тонкой чувственно-эмоциональной психологией, которая весьма отчетливо выражается в русском языке.

1.3. Бинарные оппозиции как составляющие картины мира

Под бинарной оппозицией понимается (лат. *binarius* – двойной, двойственный, состоящий из двух частей) тип отношений в семиотических системах, в рамках которого знак приобретает значение и смысл только через отношение со знаком, стоящим к нему в оппозиции [Энциклопедия культуры и общества, 2016]. Так, слово (лингвистический знак) «друг» раскрывает значение через слово «враг», слово «сладкое» – через «горькое». В теории структурализма [Соловьева, 2014] принцип бинарных оппозиций превращается в фунда-

ментальную категорию и сущностный принцип природы и культуры. Все отношения между знаками сводятся к бинарным структурам, то есть к модели, основа которой – наличие или отсутствие определённого признака. В настоящее время критика подобного рода двойных противопоставлений становится популярной. По утверждению основоположника этологии – науки о поведении животных и человека как биологического существа – Конрада Лоренца, «деление мира явлений на пары противоположностей – это врождённый принцип упорядочения, априорный принудительный шаблон мышления, присущий человеку с древнейших времён» [Лоренц, 1998]. В архаическом обществе человек пытался упорядочить свои представления, категоризируя явления по принципу «мужское – женское», «верх – низ» и т. д., его мысли были организованы по принципу противопоставления и объединения окружающих явлений в пары противоположностей. В начале третьего тысячелетия «определяются новые императивы. Бинарная схема, будучи одномерной, порождает тем самым линейное представление о связях. Что объединяет противоположности в одну сущность? Каков механизм разрешения противоречий? Для ответа на эти вопросы требуется более сложная структура, содержащая дополнительные элементы и связи» [Баренцев, 2000]. Третий элемент оказывается необходимым для решения проблемы бинарных противоречий как мера их компромисса, как условие их сосуществования.

Ответом на подобную критику могут быть исследования этнолога и антрополога К. Леви-Стросса, полагавшего, что структурные модели лингвистики аналогичны моделям антропологии. Оппозиции, описанные лингвистами, существуют в биологической и физической реальности. Как известно, язык отражает культуру народа, но его структура не осознаётся говорящими на языке (структура бессознательного). Познание культуры народа обеспечивается выявлением структуры бессознательного через бинарные оппозиции, формируемые при помощи пяти органов чувств (тихий – громкий, твёрдый – мягкий, светлый – тёмный), и бинарные оппозиции, выражающие логические противопоставления как результат социального опыта человека (добро – зло,

жизнь – смерть, друг – враг). Пример отражения структуры бессознательного – миф, оперирующий взаимодействующими бинарными оппозициями «небо – земля», «свой – чужой», «день – ночь», причём структура мифа – это последовательное разрешение и смена одних противоречий другими.

В лингвистике неоднократно подчёркивалось, что формирование антропоцентрической парадигмы привело к изменению направленности лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, «ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем ее многообразии» [Баренцев, 2000]. По мнению В.А. Масловой, с позиции антропоцентрической парадигмы человек познает мир через осознание себя; язык при этом является главной из его характеристик, точнее, его важнейшей составляющей [Маслова, 2001]. При исследовании бинарных оппозиций в рамках антропоцентризма представляется необходимым многокомпонентный анализ их, так как идеи о *своём* и *чужом* содержатся в сознании человека изначально, проявляясь во всех сферах его бытия, что подчеркивает его знаковую, семиотическую природу. Следует отметить, что противопоставления *свой – чужой*, *мы – они* являются характерными для человеческого общества в любую историческую эпоху (на что указывал еще Бенвенист) [Лоренц, 1998], ведь в основе их – свойственная человеку эгоцентрическая позиция, а также универсальные механизмы тождества и различения *своего* и *чужого*. С первых же контактов с представителями других культур человек быстро убеждается в том, что они иначе реагируют на те или иные явления окружающего мира, у них возможны собственные системы ценностей и нормы поведения, которые существенно отличаются от принятых в родной культуре.

В отличие от статуса оппозиции, границы между *своим* и *чужим* не являются постоянными как в рамках одной эпохи (что подтверждает наш материал), так и в историческом процессе. Так, указывается, что в античности процесс взаимодействия культур определяется как однонаправленный; «ключевыми были противопоставления грек – варвар, римлянин – варвар, которые

в широком смысле перешли в оппозицию «цивилизация – варварство» [Мелетинский, 1977]. Первоначально данное противопоставление основывалось лишь на лингвистическом различии: в частности, варварами древние греки и римляне называли всех чужеземцев, не владеющих греческим языком. Со временем исследуемая оппозиция приобрела другие смыслы и просуществовала в форме устойчивого противопоставления культурного (эллина – варвары) и прежде всего религиозного (христиане – язычники) примерно до конца средневековья. В Новое время в условиях реального общения с представителями других культур восприятие «другого» значительно меняется. Эпоха великих географических открытий, существенные достижения теоретической и философской мысли, а также астрономические исследования способствовали тому, что по-новому стали рассматриваться не только чужие культуры, но и своя собственная. Представления о безграничном, но в то же время едином мире имели огромное значение в процессе познания «другого». На первый план, казалось бы, должна выйти идея принадлежности всех людей к общему роду, к человечеству. Но, несмотря на это, проблема *своего* и *чужого* не становится менее актуальной, а лишь приобретает новую форму, в основу которой ложится национальная идея [Мелетинский, 1977].

Выводы к 1 главе

Одним из важнейших определителей национальной культуры является языковая картина мира, ведь именно через язык и слово выражается мировоззрение народа. В связи с разными историческими событиями и развитием цивилизации в сознание каждого народа приходят новые образы, мысли, понятия, привычки, стереотипы, которые тут же находят отражение в языке и, конечно же, в текстах. Анализируя текстовые материалы, которые оставила нам история, с точки зрения лингвокультурологии и семасиологии, мы можем попытаться понять мышление людей того времени, а рассматривая тексты в диахронии, можем выявить процесс преобразования культурных концептов.

Одним из основополагающих концептов и мировой культуры, и русской культуры является бинарная семиотическая оппозиция «свой-чужой».

Тип мышления, разделяющий мир на два полюса (добро и зло, свой и чужой), является традиционным с самого момента зарождения человечества. И если раньше разделять на своё и чужое было проще, то с каждым веком, приближаясь к современности, это становилось всё сложнее, т.к. накладывалось всё больше факторов. И в современном мире при огромном количестве различной информации это сложнее всего, но важно, как никогда. Поэтому в следующей главе мы рассмотрим оппозицию «свой-чужой» в рамках русскоязычного пространства на протяжении всей культурной истории, чтобы на примере русского народа лучше понять динамику развития оппозиции «свой-чужой» и разобраться, кто был своим, а кто - чужим и почему.

ГЛАВА 2. ФОРМЫ И СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

2.1. Языковые формы оппозиции «свой-чужой» в устном народном творчестве и древнерусских текстах

На языковые особенности фольклорного текста определяющее влияние имело отраженное в нем фольклорное сознание, специфику которого в гносеологическом аспекте О.И. Шабалина определяет как «идеальную систему, порождающую, направляющую культуротворческую (фольклорную) деятельность человека, а также способствующую духовно-практическому освоению мира и утверждению человека в нем» [Шабалина 2000: 19]. Мирозренческой основой ранних форм фольклора являлось мифологическое мышление (А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, Е.М. Мелетинский и др.). Мифологически мир представлялся «раздвоенным на тождественных двойников, из которых один обладал «свойством», а другой не обладал» [Фрейденберг, 182]. В основе данных представлений – гармоническая уравновешенность противоположностей, представление мира в виде универсальной системы бинарных оппозиций. Применительно к древнеславянской духовной традиции в целом ряде работ были выделены наиболее значимые бинарные противопоставления: свой-чужой, левый-правый, женский-мужской, смерть-жизнь, тьма-свет и др. Очень важно отметить, что между положительным и отрицательным членами оппозиции не существовало промежуточных компонентов, однако при этом противоположные члены составляли уравновешенное единое целое – мир, в котором жил человек. Причем распределение объектов действительности по оппозиционным классам производилось не по их природным качествам, а в соответствии с народными представлениями о них.

Наиболее важной для фольклорного мышления являлась оппозиция свой-чужой. В фольклорных текстах эта оппозиция могла реализовываться в

самых различных вариантах: мир людей – мир богов, область живых – область мертвых, человеческое – нечеловеческое (звериное, колдовское) и т.д. Кроме того, свое и чужое может означать принадлежность к разным социальным, возрастным, этническим, конфессиональным и этническим группам. Для примера можно привести фрагмент из фольклорного текста, обслуживающего свадебный обряд. В нем актуализируется социальный вариант своего-чужого (например, противопоставляется девичья жизнь в своем доме – замужней жизни в чужом доме):

– Распроклятая наша жизнь замужняя!

Разлюбезная наша жизнь девичья!

[Киреевский, 1986, №394].

Первый в истории Российского государства международный договор, заключённый с Византийской империей в 911 году при Вещем Олеге, ясно отображает противопоставление между народами Руси и Византии в религиозном аспекте – русский и христианин. Здесь можно видеть смешение критериев противопоставления и соответственно разграничения своих и чужих: с одной стороны, этноним русский, а с другой стороны – наименование лица по вероисповеданию (христианин). Это можно объяснить историческим фактом, т.к. хронологически данный договор составлялся до Крещения Руси и введения в Киевской Руси христианства как государственной религии. В соответствии с этим христианин как представитель чужих противопоставлялся русскому как язычнику:

– Если кто убьет, – русский христианина или христианин русского, — да умрет на месте убийства <...>;

– Если украдет что русский у христианина или, напротив, христианин у русского...

В документе также присутствует синонимичное в данном контексте слову «христианин» этноним «греки»:

– Установить договор между греками и русскими <...>;

– Если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками...

[<http://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/>].

Этот пример показывает, что в оппозиции «свой-чужой» *чужой* – не всегда враг. «Из законодательных текстов мы знаем, что именно в феодальном мире могло быть чужим (или своим): нива, поле, земля, дерево, сад, лес и вода, стадо и отдельная животина, храмы и вещи, рабы и холопы; такое свое и чужое всегда следовало различать. Чужое – то, что тебе не принадлежит. Чужими в таком смысле могут быть город, земля, страна и вера, люди. <...> В слове *чужой* содержится мысль о странном и непонятном, но это не значит, что оно неприемлемо вообще. Чужой может стать также гостем. В древности чужак враждебный воспринимался как враг, однако чужак, принимаемый в доме, был гостем.» [Колесов, 2000]

Примечательно, что уже через несколько сотен лет этноним «русский» будет контекстуальным синонимом к слову «христианин» или «православный» в текстах отечественной культуры.

Наиболее ярко эта оппозиция «свой-чужой» реализуется в эпических жанрах фольклора – в сказках и былинах, многие из которых сочинены уже после принятия Русью христианства в 988 году и потому пропитаны христианизированной лексикой.

В былине «Алёша Попович и Тугарин Змей» представителем «своих» является богатырь Алёша Попович, а «чужим» – Тугарин. Это злой языческий богатырь, прообразом которого, вероятно, выступил половецкий хан Тугоркан. В данной былине, как и во многих других былинных текстах, наиболее употребительным эпитетом к образу Тугарина выступает негативно оценочное слово «собака», которое по происхождению является зоосемантической метафорой (это слово в словаре Д.Н. Ушакова в переносном смысле означает «хищник, насильник, негодяй, презренный человек» – Ушаков, 1940), а в фольклоре закрепилось за любым представителем чужих в виде формульного элемента:

– Собака Тугарин был Змеевич-от.

Да Богу собака не молится...

[<https://history.wikireading.ru/85039>]

Как видим, в данной былине представитель чужих (Тугарин Змей) через отрицательно оценочную номинацию «собака» наделяется отрицательными признаками. Кроме того, на нечеловеческую природу представителя чужого указывает слово «змей», которое также является формульным эпитетом к чему-то вражескому и служит языковой приметой компонента оппозиции «чужой». Причем оценочная номинация «змей» может относиться как к «чужестранцам», пришедшим завоевывать и разорять русские земли, так и к вымышленным существам, как в былине «Добрыня и змей», где представителем «чужих» является сказочное чудище с двенадцатью змеиными головами:

– Выходит тут змея было проклятая,

О двенадцати змея было о хоботах

[<https://history.wikireading.ru/85031>]

При описании былинного героя, наиболее яркого представителя «своих» в былинных текстах, обычно используются такие формульные выражения, как «удаленький дородный добрый молодец», «старый казак», «сильный славный богатырь», и конь у героя «добрый» и руки у него «белые».

Так, в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» главный герой – богатырь Илья Муромец – описывается так:

– Ты удаленький дородный добрый молодец,

А и ты славная богатырь святорусский!

<...>

Его добрый конь да богатырский,

А он на корзни да потыкается.

А и как старый-от казак да Илья Муромец

Берет плеточку шелковую в белу руку...»

[<https://history.wikireading.ru/85020>]

А главный злодей (Соловей-разбойник) имеет такое описание:

*– Засвистал-то Соловей да и по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,
Так все травушки-муравы уплетались,
Да и лазуревы цветочки отсыпались,
Темны лесушки к земле вси приклонились...*

[<https://history.wikireading.ru/85020>]

Как видно из примера, чужой здесь является уже настоящим врагом, ибо он и «злодей», и «разбойник». Плюс ко всему, враг часто губит природу, к которой народ – коллективный автор – относится с большим почтением и даже с трепетом.

Таким образом, примеры из былинных текстов показывают, что оппозиция свой-чужой в фольклорных текстах преимущественно реализуется через формульные эпитеты и выражения и имеет четко определенный и неизменный оценочный вектор (положительный или отрицательный).

До татаро-монгольского нашествия основной военной угрозой для Руси были половцы. Но после нашествия в былинах и летописях начинает употребляться слово «басурман» (бусурман, босурман, бусорман - искаженное от «мусульманин») и однокоренные к нему слова, что означало – неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиятец или турок [Даль, 1955]. И, конечно же, широко начинают употребляться слова с корнем «татар»:

– И оттоля на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя...

– Ступишася руские сынове с погаными татарами за свою великую обиду...

– На Рожество святяя Богородицы исекиа христиани поганые полки на поле Куликове...

– *Воздадим поганому Момаю победу, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его, князю Владимиру Андреевичю...*

[<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zadonschina/zadonschina-original.htm>]

Поганые – тоже весьма употребительный эпитет в древнерусских и фольклорных текстах. Наиболее популярно его использование в былине «Илья Муромец и Идолище Поганое»:

– *Одолели есть поганые татарева,*

Наехал есть поганое Идолище...

[<https://history.wikireading.ru/85023>]

В толковом словаре С.И. Ожегова одно из определений слова «поганый» – нечистый с религиозной точки зрения, первонач. нехристианский, языческий [Ожегов, 2008].

А свои те, кто русские и христиане, и свой князь - всегда великий:

– *Главы своя положиша за землю за Рускую и за веру христианьскую;*

– *На Рожество святая Богородицы исекиша христиани поганые полки на поле Куликове;*

– *Первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичю, — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимировичю.*

[<http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zadonschina/zadonschina-original.htm>]

Интересно отметить, что в самом названии Задонщины присутствует интересное и распространённое слово *супостат*:

– *Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его, князе Владимире Андреевече, яко победили супостата своего царя Мамаю.*

Слово *супостат* - противник, неприятель, недруг [Ушаков, 1940] – происходит (с применением славянских морфем) от греческого слова *ipostatatos*, что означает «одолимый, против которого можно устоять».

В «Поучениях» Феодосия Печерского рассказывается, как Моисей проводит евреев по «Чермному» морю, по дороге он топит «их врагы» [Поуч. Феодос., с. 7]; говоря о своих заботах, Феодосий упоминает супостатов «наших» или «своих» (с. 3, 13), и только когда речь идет о том, что противоплагается Богу, автор утверждает: нехорошо, если станешь «противникъ богу быти» (с. 4). Безликая злая сила проявляется в конкретных отношениях: против Бога – противник, против другого человека – супостат. Противник всегда против, супостат – соучастник в деле (приставка су- с таким же значением, что и в слове су-пругъ).

Супостать – излюбленное слово в древнейших переводных текстах; супостаты всегда определяются точным отношением – наши, ваши, мои, супостаты кому-либо (тебе или мне); так же и в русских списках церковных текстов. С супостатами борются неустанно: «О злаа и лютаа ми супостата, не прѣстаю, ни почию, до съмерти ваю боряся с вами!» (Патерик, с. 168); супостать в этом тексте – враг, который уже приступил к военным действиям. «И падоша мнози врази наши – супостати – предъ рускыми князи» (Ипат. лет., с. 267) – враги постоянны, супостаты же выявляются в момент битвы [Колесов, 2000].

В «Повести о разорении Рязани Батыем» *чужой* часто именуется *безбожным* или *нечестивым*: «безбожный царь Батый». *Свои* же – все *благоверные*: «благоверный князь Федор Юрьевич Резанской», «благоверная княгиня Еупраксеа»:

- *Прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множеством вой татарскими <...>*
- *Безбожный царь Батый возярися и огорчися, и повеле вскоре убити благовернаго князя Федора Юрьевича <...>*
- *И ускори к благоверной княгине Еупраксее, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовернаго князя Федора Юрьевича».*

[http://www.drevne.ru/lib/ryazan_s.htm]

Безбожный и *благодарный* фактически являются антонимами в данном тексте и отражают борьбу между *своим* христианским и *чужим* нехристианским мирами.

Таким образом, мы можем наблюдать, что в словесной культуре эпохи архаичного общества и древнерусского государства группа *чужих* преимущественно характеризуется через отрицательно оценочные номинации и эпитеты с религиозной семантикой (*басурман*, *безбожный*), а также метафорические эпитеты, связанные с дикой природой (*змея*, *собака*). Номинация *свой* представлена положительно оценочными эпитетами с религиозной семантикой (*благодарный*, *христианин*) и формульными эпитетами и выражениями (*славный богатырь*, *удаленький добрый молодец*).

2.2. Оппозиция «свой-чужой» в словесной культуре XVII-XIX вв.

Однако уже через несколько веков различия между *своими* и *чужими* усложняются. С конца 16 века в российском государстве у власти начинают появляться люди, которые завладевают престолом путем обмана, хитрости, убийств и других преступлений, и ко всему этому присовокупляется многосторонняя интервенция. Поэтому период 1598-1613 годов в русской истории носит название Смутное время, которое отмечено очень сложными и противоречивыми отношениями как с внешними врагами, так и между людьми внутри своего этноса. Сохранилась речь предводителя ополчения Кузьмы Минина перед нижегородским народом, где вся ситуация, сложившаяся в это время в государстве, хорошо описывается:

– Мужие, братие! <...> легко можем в вечное рабство поляков, шведов или жидов впасть <...> ко утеснению и разорению законов Руси и веры Православной церкви утеснению и разорению подлежат. <...> в начале между главными государственными управителями, произошедшая злоба и ненависть, которые забыв страх Божий, верность к Отечеству и свою честь и славу предков своих, един другого гоня, неприятелей Отечества в

помощь призвали, чужестранных государей. Иные же различных воров, холопей и всяких бездельников, царями и царевичами имяновав, яко государям крест целуют. А может, кто ещё турецкого или жидовского избрать похочет? <...> казну так великую растащили, церкви и монастыри разорили и разоряют. <...> мы с помощью всемогущего Бога можем легко большую, паче всех богатств, спокойность совести и бессмертную славу себе и своих наследников присовокупить, врагов погубить и невинно проливающих кровь нашу захватчиков усмирить.

[<https://www.liveinternet.ru/users/laima852/post334756832/>]

Как видно из приведенных примеров, номинации чужих в тексте обращения Минина включают, прежде всего, этнонимы (поляки, шведы, жида, турки), обобщенные номинации, включающие оценочный компонент (чужестранные государя, неприятели Отечества) и сопровождающие их негативно оценочные эпитеты (воры, холопы, бездельники), а также слова и выражения, обозначающие деструктивные действия (казну растащили, церкви и монастыри разорили), причем в кластер чужих здесь уже включаются не только внешние враги, но и внутренние, посягнувшие на царский трон. Иными словами, представления о чужих в это время дифференцируются, и общим объединяющим началом для всех, представляющих чужих, является потенциальный вред русскому государству (неприятели Отечества).

Свои представлены в виде обобщенных номинаций с положительной оценкой (мужие, братие) и сопровождаются действиями против *чужих* (врагов погубить, захватчиков усмирить).

Также для номинации чужих слова разговорной лексики того периода добавляет А.С. Пушкин в своем произведении «Борис Годунов», где присутствует уничижительный синоним к «полякам» - *ляхи* (устарелое название поляков; употребляющееся иногда в науке название польских и чешских племен [Ушаков, 1940]), и часто употребляется слово «самозванец» (человек, самовольно, незаконно присвоивший себе чужое имя, звание, выдающий себя за другого; эпитет человека, присвоившего себе имя царя или кого-нибудь

из членов царского дома в борьбе за политическую власть [Ушаков, 1940])
как раз по отношению к «холопу, которого именуют царевичем»:

*– Кто б ни был он, спасенный ли царевич,
Иль некий дух во образе его,
Иль смелый плут, бесстыдный самозванец,
Но только там Димитрий появился.*

<...>

*Своих людей у нас довольно ратных,
Чтоб отразить изменников и ляха.*

...разослать

Во все концы указы к воеводам,

<...>

*Вы знаете, что наглый самозванец
Коварные промчал повсюду слухи;*

<...>

Опасен он, сей чудный самозванец

[<https://ilibrary.ru/text/465/p.1/index.html>]

По сути, негативно оценочный «самозванец» – *чужой* среди *своих* и *свой* среди *чужих*. Этот *самозванец* наделяется такими признаками, как бесстыдный, наглый, чудный и распускает коварные слухи. «Раньше словом *чудной* определяли что-то неведомое и таинственное. Со временем в поэтических текста слова чудо и чужой совпали, создавая причудливые метафоры. Враждебность в отношении чужих постепенно сменилась любопытством, интересом к народам и людям, живущим рядом: «чудно́-то как!» [Колесов, 2000] Причем даже сам А.С. Пушкин по-разному называет главного антагониста произведения - Григорий, Самозванец, Лжедимитрий - тем самым придавая эффект запутанности, ибо люди того времени действительно не понимали - кто есть кто. Персонажи тоже называют его различными синонимами: злой еретик, недостойный чернец, бесовский сын, расстрига окаянный, жестокий пришелец, смелый плут, Гришка, Отрепьев.

– Из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев, слышал ли ты это?

<...>

– Недостойный чернец Григорий, дерзнул возмущать святую братию всякими соблазнами и беззакониями.

<...>

*– Бесовский сын, расстрига окаянный,
Прослыть умел Димитрием в народе;
Он именем царевича, как ризой
Украденной, бесстыдно облачился*

<...>

*– Явился к вам; Димитрием назвался
И поляков безмозглых обманул.*

<...>

*– Правительством подкупленные воры.
Зависим мы от первого холопа,*

<...>

*– Московские граждане!
Мир ведает, сколь много вы терпели
Под власть жестокого пришельца:*

<...>

*Димитрий же вас жаловать намерен,
Бояр, дворян, людей приказных, ратных,
Гостей, купцов — и весь честной народ.*

<...>

*– Да ведают потомки православных
Своих царей великих поминают*

[<https://ilibrary.ru/text/465/p.1/index.html>]

Свои представлены такими положительно оценочными номинациями, как московские граждане, бояре, дворяне, приказные люди, ратные, потомки

православных, воеводы, цари великие, царевич; т.е. как правило, это всё люди, имеющие довольно высокий социальный статус и, в некотором смысле, даже духовно-нравственный статус.

Оба этих текста (речь К.Минина и произведение А.С.Пушкина) представляют отрицательно окрашенные номинации *чужих* в виде этнонимов (ляхи, поляки), носителей низких социальных статусов (холопы, воры), негативно оценочных эпитетов (наглый, бесстыдный) и уникальной негативной номинацией (самозванец). Класс *своих* представлен, наоборот, номинациями носителей высоких социальных статусов и отечественного вероисповедания (ратные, православные), положительно окрашенных обобщений (граждане, братья), а *самозванцу* противопоставляется номинация с возвышенной стилистической окраской *царевич*.

Со второй половины 17 века в более позднем устном народном творчестве стал очень популярен образ Степана Разина. Народ его восхвалял как эпического героя, используя формульные положительно оценочные эпитеты «атаманушка», «удалой казак», «добрый молодец», у которого «белы руки» и «буйна голова». Всё это – постоянные (клишированные) эпитеты положительной номинации героя, защитника народа.

*– Породился удалой доброй молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич.
В казачий круг Степанушка не хаживал,
Он с нами, казаками, думу не думывал;
– Атаманушка Степан, по имю Степан Разин.
Уж он громко речь возговорил;
– Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву*

И на славной Красной площади

Отрубили буйну голову».

[Русская историческая песня, 1990]

Все эти формульные эпитеты, описывающие в фольклорных текстах представителя своих – Степана Разина – имеют в основе своей неизменное нормативно-оценочное значение, о чем пишет М.А. Венгранович: «... прилагательное белый в сочетании с существительными лицо, тело, руки, шея, грудь имеет значение «правильный, соответствующий норме» (т.е. нормативно-оценочное значение). Это правильные руки, лицо, тело, т.е. такие, какими они должны быть. Это традиционное, нормативно-оценочное значение отсутствует в литературно-кодифицированном варианте, т.к. связано с выражением традиционно-фольклорного, в основе своей обобщенного, смысла, имеющего в силу этого формульно-кодовый характер и передающегося в фольклорном тексте не одним словом, а целым комплексом устойчивых и общезначимых представлений. Существенно, что в семантическом пространстве фольклорного слова традиционное (в данном случае нормативно-оценочное) значение, обусловленное не референтными связями, является доминирующим, отодвигая на задний план денотативное (цветовое) значение, которое развивается у данного прилагательного значительно позднее. Этим объясняется, например, лакунизированное употребление в традиционном фольклорном тексте сочетания белые руки применительно к арапу». [Венгранович, 2011]

Однако Царская грамота о Степане Разине 1667 года демонстрирует противоположную точку зрения о народном герое и, соответственно, иную семантику с отрицательными номинациями: «воровать», «воровские казаки» и их предводитель «войсковой казак Стенка Разин»:

– Посланы к вам наши великого государя грамоты о проведыванье воровских казаков и о промыслу над ними, которые хотят итти с Дону на Волгу воровать; <...>

И за их миром хотел было их войсковою казак Стенка Разин с товарищи своровать итти на море...

[<https://history.wikireading.ru/300358>]

Как видно из этих примеров, один и тот же персонаж (Степан Разин) выступает в фольклорных текстах как герой, защитник (представитель своих) и характеризуется положительной оценкой, а в Царской грамоте, наоборот – как недруг, разбойник (представитель чужих) и характеризуется через плохие деяния и эпитеты с отрицательной оценкой.

Периодически наступают в истории государств такие периоды, когда народ и власть расходятся во мнениях о чём-либо или о ком-либо, и в итоге получается, что те, кто изначально были «своими», становятся «чужими», да ещё и врагами, из-за различных социально-экономических и политических интересов и предпочтений, но порой власть и народ снова воссоединяются против общего внешнего врага. Поэтому теперь рассмотрим наличие оппозиции «свой-чужой» и ее языковую реализацию в текстах, относящихся ко времени Отечественной войны 1812 года, когда чужими и врагами становятся опять внешние враги – люди другой национальности – французы. В одной из исторических баллад мы можем найти такие контекстуально негативно оценочные этнонимы и эпитеты, как «злы французы», «французская сила», «злой французик», «франец»:

– Восхвалялись злы французы

Всю Россеюшку пройти и Москву разорить;

<...>

– Выглядывал Платов, высматривал французскую силу;

И увидал же злой французик огонек россейский.

Увидавши франец огонечек, начал утекати;

<...>

– Ой как задумал француз, злодей-варвар

Да всю Рассею пройти до конца.

[<https://history.wikireading.ru/85210>]

Французы сопровождаются отрицательно оценочными эпитетами «злой», «злодей-варвар», «разорить» (т.е. что указывает на явный недоброжелательный настрой французов по отношению к «Рассее»), но при этом добавляется иронично-пренебрежительная номинация «французик» и глагол, указывающий на их трусость – «утекати».

В знаменитом стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино» присутствует только слово «француз», но, исходя из контекста, негативная семантика очевидна: она определяется через последствия их действий, которые нанесли непоправимый вред российскому государству: спаленная Москва, отданная французу, и боевые схватки, которые помнит вся Россия.

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром

Москва, спаленная пожаром,

Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые,

Да, говорят, еще какие!

Недаром помнит вся Россия

Про день Бородина!

<...>

– Французы двинулись, как тучи,

И всё на наш редут...

Но присутствуют и контекстуальные синонимы, объединяемые ядерным определителем кластера *чужих*: чужие мундиры, уланы, драгуны, а также ироничные номинации «друг» и «брат мусью».

– Не смеют, что ли, командиры

Чужие изорвать мундиры

О русские штыки?

<...>

– И думал: угощу я друга!

Постой-ка, брат мусью!

<...>

– Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами...

Также есть и отсылка к историческому прошлому – Лермонтов называет французов (чужих) негативно оценочной номинацией басурманы, где басурманы уже не иноверцы, как в древнерусских текстах, а просто враги.

– Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.

В свою очередь русских (своих) М.Ю. Лермонтов называет *богатырями*, как в старорусские времена, вкладывая в эту номинацию мощь и силу защитников Отечества:

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!

[Лермонтов, 1988]

Таким образом, словесная культура эпохи 17-19 веков в российской истории характеризуется, с одной стороны, появлением более разнообразных оценочных номинаций и усложненных различий между *своими* и *чужими* (казак, самозванец), а с другой стороны, возвратом к древнерусским традициям, но уже с упрощенными смыслами (басурман, добрый молодец), и добавляются оценочные этнонимы (ляхи, французы, русские)

Однако, если вспомнить историю России, то уже через 10-15 лет врагами государства становятся декабристы – люди, которые прежде были *своими*, т.к. сражались бок о бок с государем в Отечественной войне против французов, но в следствие своих социально-политических убеждений восстали против монарха и тоже стали *чужими*. С тех пор начинается идеологическое разделение на *своих* и *чужих*, т.к. появляется всё больше активных оппозиционеров монархической власти с новыми взглядами на мироустройство.

2.3. Оппозиция «свой-чужой» в литературе советского периода

Восстание декабристов подготовило почву для новых активных оппозиционеров с новыми идеологическими взглядами, отличными от взглядов правящей элиты, поэтому начало 20-го столетия характеризуется недовольством народа по отношению к власти и различными революционными настроениями, которые в итоге приводят к революционному перевороту, гражданской войне и смене власти. В связи с чем оппозиция свой-чужой уже реализуется через номинации, основанные на мировоззренческих (идеологических) различиях: «белые» и «красные», монархисты и коммунисты и т.д.

Александр Блок в своей поэме «12» показывает взгляд на мир глазами красногвардейца, негативно характеризуя тех, кто является «врагами» молодого рабоче-крестьянского государства: буржуй, поп, офицеры, юнкерье.

– А вон и долгополый —

Сторонкой — за сугроб...

Что нынче невеселый,

Товарищ поп?

<...>

– И буржуй на перекрестке

В воротник упрятал нос.

<...>

– С офицерами блудила —

С юнкерьем гулять ходила —

С солдатьем теперь пошла?

Свои же тут – наши ребята, красная гвардия, товарищ, рабочий народ:

– Как пошли наши ребята

В красной гвардии служить —

Буйну голову сложить!

<...>

– Товарищ, винтовку держи, не трусь!

Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

– Вперед, вперед,

Рабочий народ!

[<https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html>]

Самым распространённым обращением в советском обществе являлась номинация «товарищ», что по словарю Д.Н. Ушакова означало:

1) человек, действующий, работающий вместе с кем-нибудь, помогающий ему, делающий с ним общее дело, связанный с ним общим занятием, общими условиями жизни, и потому близкий ему;

2) член своей политической партии (в языке революционных партий, в особенности - коммунистов). [Ушаков, 1940]

В языковой картине мира советского периода оба эти определения часто сливались воедино, т.к. многие люди и работали вместе, делали общее дело, и были членами коммунистической партии.

Достаточно точно определяет *чужих* и *своих* В.И. Ленин в тексте своего обращения к Красной армии:

– Товарищи красноармейцы! Капиталисты Англии, Америки, Франции ведут войну против России. Они мстят Советской рабочей и крестьянской республике за то, что она свергла власть помещиков и капиталистов <...> Помогают деньгами и военными припасами русским помещикам, которые ведут против Советской власти войска <...>, желая восстановить власть царя <...> Красная Армия сплотилась, поднялась, прогнала помещичьи войска и белогвардейских офицеров <...> За крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть. <...> Кулаки и очень богатые крестьяне пытаются устраивать восстания против Советской власти. <...> К среднему крестьянину сознательные рабочие и действительно советские люди относятся как к товарищу.

[[https://ru.wikisource.org/wiki/Обращение_к_Красной_Армии_\(Ленин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Обращение_к_Красной_Армии_(Ленин))]

Как видно из текстов, в советской России первой половины 20 века, все образованные, верующие и обеспеченные люди становятся *чужими* и пред-

ставлены такими обобщёнными номинациями с негативной оценкой: капиталисты, помещики, помещичьи войска, власть царя, белогвардейские офицеры, кулаки, очень богатые крестьяне. *Свои* же – в основном, простые и малообразованные люди, которые встали на сторону новой коммунистической идеологии: товарищи, красноармейцы, рабочие, крестьяне, рабочий народ, советские люди, советская власть.

Во время Великой отечественной войны оппозиция свой-чужой формируется на иных основаниях: чужие – это, прежде всего, внешние враги, напавшие на Советский Союз и посягнувшие на жизнь и свободу граждан многонационального государства. При этом кластер чужих составляют представители разных национальностей, объединенные общим идеологическим признаком – приверженцы идеологии фашизма, нацизма, национал-социализма. Более того, т.к. у *чужих* преобладала германская нация, то венгры, итальянцы, поляки и другие народности, которые вошли в состав немецкой армии, так же обобщенно стали именоваться немцами. В рядах Красной армии – были многие представители многонационального советского народа, они же – коммунисты. Среди советской армии тоже было много людей из нынешних стран СНГ – украинцы, белорусы, казахи, узбеки, татары, но все они находились в русскоязычном пространстве, поэтому и обобщенно назывались – русскими.

В свою очередь, у *немцев* как представителей класса чужих было много текстуальных синонимов: *нацисты* и *фашисты* (по идеологии), *гансы* и *фрицы* (по распространенным именам), *немчура* (этнический жаргонизм), *немецко-фашистские захватчики* (в официальных речах), *эсэсовцы* (по наименованию рода войск СС, которые отличались наибольшей жестокостью).

Проиллюстрируем примером из газетного очерка:

– *Вижу, комиссар подбегает к немецкой землянке, а оттуда два фашиста - шасть! Обоих скосил Дубовой очередью... К утру полностью очистили высоту от всяких гансов и фрицев.*

[<http://www.molodguard.ru/heroes575.htm>]

Теперь рассмотрим пример официально-политического текста, а именно – речь народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова о начале войны:

– Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковав нашу границу во многих местах и подвергнув бомбежке со своих самолётов наши города <...>

Вся ответственность за это нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германское фашистское правительство.

[https://ru.wikipedia.org/wiki/Выступление_В._М._Молотова_по_радио_22_июня_1941_года]

Чужие сразу вычисляются, обладая эпитетами «германские» и «фашистское», которые явно имеют отрицательную оценку за счет негативного контекста по отношению к Советскому Союзу (свои), ведь они совершают такие деяния, как нападение без претензий и объявления войны, атака границ и бомбёжка городов, что так же наглядно говорит и об их вражеских намерениях.

Следующие примеры – из поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин».

– И желал наш добрый парень:

Пусть померзнет немец-барин,

Немец-барин не привык,

Русский стерпит - он мужик.

К чужому «немцу» применяется иронично-пренебрежительный эпитет «барин», ведь немцы не привыкли к таким морозам, в то время как свой, русский - настоящий мужик, ведь он всё стерпит.

- А не фриц? Не к нам ли в тыл?

- Нет. А может, это Теркин? –

<...>

- Стой, ребята, не соваться,

<...>

- *Братцы, - он!*

Фриц (уничижительное прозвище [этноним] немцев по уменьшительной версии распространённого имени Фридрих) – всегда чужой, и ему противопоставляется Теркин, он – *свой*, из числа «ребят» и «братцев».

– *И на русского солдата*

Брат француз, британец брат,

Брат поляк и все подряд

С дружбой будто виноватой,

Но сердечною глядят.

[<http://www.lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/terkin.txt>]

Во время Великой Отечественной войны все этнические номинации, кто не немцы и не фашисты, те – *свои*, братья по оружию, будь то француз, британец или поляк.

Таким образом, мы видим, что во время Великой Отечественной войны в класс *чужих* попадали любые номинации, в семантическом ядре которых находилась сема «немецкий» или связанные с идеологическими эпитетами «нацистский» и «фашистский». Но после окончания война недавние союзники отчетливо дали друг другу понять, что, пусть они и победили общую фашистскую угрозу, на одной планете не ужиться двум кардинально противоположным социально-экономическим идеологиям – капитализму и социализму, вследствие чего началась «холодная война». Эта взаимная неприязнь американцев и русских до сих пор осталась, хоть на мировой арене США и РФ пытаются играть в дружбу, но по факту – отношения весьма напряженные, ведь все эти тенденции подсознательно культивировались многие годы и дали свои ростки уже в современном языковом пространстве, но рядом с этими корнями появились и новые побочные направления и в культуре, и в политике.

2.4. Оппозиция «свой-чужой» в современном медиапространстве

Медиапространство – это виртуальное информационное окружение, создаваемое электронными средствами коммуникации, где с помощью средств массовой информации формируется медиакартина мира.

«Русская культура сегодня утратила свой литературцентризм. На смену ему пришел медиацентризм. Тексты современных средств массовой информации представляют собой ядро современной культуры. Однако перед нами встает вопрос: а можно ли современную культуру назвать Культурой в полной мере.» [Анненкова, 2011] Ибо бóльшая часть всего контента пытается навязать нам какое-либо определение того, кто *свой*, а кто *чужой*, и дать объяснение, почему это так.

В связи с противостоянием США (Соединённые Штаты Америки) и СССР (Союз Советских Социалистических Республик), а в дальнейшем – США и России в информационном пространстве сложилось ситуация взаимной неприязни двух государств, а через это – и противостояние двух наций: американцев и русских (хотя стоит отметить, что оба народа – многонациональные). Поэтому в русскоязычной информационной среде за последние несколько десятилетий сформировалась целая система инвектив в отношении американского государства и его граждан («америкосы» и др.), и когда в России или в мире происходит что-то плохое, то сразу винят во всех бедах «американцев». В принципе, это не удивительно, ведь США ведут агрессивную внешнюю политику насаждения демократии и во всех уголках мира проявляют свои интересы.

Но, что любопытно и немаловажно, сами американцы и русские зачастую относятся друг к другу весьма дружелюбно при общении вживую, и вражда проявляется лишь в информационном пространстве между наиболее активными националистами и агрессивными патриотами, либо между политическими деятелями.

В 1993 году американский политолог и социолог Сэмюэл Хантингтон издал статью (а затем в 1996 году и одноименную книгу) «Столкновение ци-

визаций», основная мысль которой заключается в том, что будущие войны будут вестись не между странами, а между культурами, и что исламский экстремизм станет самой большой угрозой миру во всем мире. Кроме того, столкновение цивилизаций, для Хантингтона, представляет собой развитие истории. В прошлом мировая история была в основном связана с борьбой между монархами, нациями и идеологиями, например, в западной цивилизации. Но после окончания «холодной войны» мировая политика перешла в новую фазу, в которой незападные цивилизации перестали быть эксплуатируемыми реципиентами западной цивилизации, но стали дополнительными важными субъектами, присоединяющимися к Западу для формирования и перемещения мировой истории. [Хантингтон, 1993] Т.е. Хантингтон говорит о том, что даже различные социально-экономические и политические идеологии имеют под собой культурные мотивы, т.к. каждая цивилизация за счет исторически сложившихся социально-экономических, политических, межэтнических и религиозных отношений имеет свою особую культуру.

На фоне разногласий господствующего капитализма как общества потребления, с одной стороны, и либерально-демократического общества, с другой стороны, каждая культура (или даже субкультура) видится уникальной и претендующей на особые права. Но, как известно, любое действие рождает противодействие, и потому происходит конфликт различных культур, на почве которых и возникают новые слова для экспрессивной дефиниции чужой культуры и ее представителей. Это явление, конечно же, не обошло стороной и русскоязычное информационное пространство.

Мы часто слышим из новостей или статей такие термины, как левые, правые, либералы, коммунисты, консерваторы и многие другие. Для обычных людей это просто политические определения, но не для самих политиков. Либералы – это те, кто борются за права и личные свободы человека, а консерваторы, наоборот, являются приверженцами традиционных ценностей и порядков, устоявшихся в обществе. И когда, например, консерваторы говорят о либералах, то «либералы» из их уст звучит с явной негативной оценкой,

ибо в данном контексте слово «либералы» несёт в себе отрицательную семантику, ведь для них это оппоненты, чужие, идеологические противники. Также с точки зрения идеологических разногласий политическими антонимами с оскорбительной (инвективной) семантикой являются «коммунисты» и «демократы».

Недавний конфликт на Украине тоже возродил много номинаций, характеризующих представителей своих и чужих. Например, этнофолизм «хохлы», потому что многие века назад казаки Запорожской Сечи (т.е. предки современных украинцев) носили на головах хохлы. Затем, бандеровцы - название членов Организации украинских националистов, которую в период с 1940 по 1959 годы возглавлял политический деятель Степан Бандера; сейчас «бандеровцами» с негативной семантикой обобщенно называют многих радикальных украинских националистов.

Из Крымской речи президента РФ В.В. Путина:

– Главными исполнителями переворота стали националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты. <...> Но уже всем стало предельно ясно, что именно намерены в дальнейшем делать украинские идейные наследники Бандеры — приспешника Гитлера во время Второй мировой войны.

[[https://ru.wikisource.org/wiki/Крымская_речь_Путина_\(2014\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Крымская_речь_Путина_(2014))]

После распада СССР появилась проблема иммигрантов из Кавказа и Средней Азии, на что определенная часть общества отреагировала большим количеством национал-инвектив.

Но в период СССР такой проблемы национализма особо не было, все были едины. В недавнем российском фильме Андрея Шальопа «28 панфиловцев» есть такой забавный момент в диалоге русского и казаха:

– Покажем им, кто такие русские?

– Покажем. Вообще-то я казах.

– А казах – чё, не русский? Что ты мне голову морочишь? Мы же сейчас за Россию деремся или за что?

– Да шучу я.

– За Казахстан будем драться – всем покажем, кто такие казахи.

[К/ф «28 панфиловцев», 2016]

Но более важную, глубокую, духовную, культурную и актуальную, как никогда, проблему поднял патриарх Кирилл в своём Рождественском интервью 2019 года:

– Всемирная сеть гаджетов дает возможность осуществлять все-ленский контроль над человеческим родом. <...>

Пожалуйста, никогда не попадайте в рабство от того, что в ваших руках или от того, что приходит в ваше сознание извне. Вы должны оставаться внутренне свободными и не поддавать ни под какую зависимость - ни под алкогольную, ни под наркотическую, ни под зависимость от гаджетов.

[<https://tass.ru/obschestvo/5978531>]

Т.е. под номинацию «чужой» уже попадает не кто-то, а что-то - *гаджет*. По словам патриарха Кирилла, гаджет является чужим и даже враждебным атрибутом при неправильном его использовании по отношению к человеческой личности. В соответствие с этим также чужим является и тот, кто может осуществлять невидимый контроль над нашими гаджетами, а значит – и над нами. Но патриарх Кирилл отмечает, что Церковь выступает не против технического прогресса, ибо сама наука развивалась именно в недрах христианства, а против контроля над человеческой личностью в глобальном масштабе.

Можно сделать вывод, что информационное пространство современного общества наиболее разнообразно и неоднородно в реализации оппозиции «свой-чужой»: смешиваются традиционные смыслы и новые тенденции, национальные, идеологические и политические номинации (гаджеты, хохлы, радикалы, либералы). Границы оппозиции «свой-чужой» становятся очень размытыми. Порой даже если человек сохраняет полный нейтралитет, он всё равно может стать жертвой чьих-нибудь искаженных взглядов, ибо, как ска-

зал Отто Фон Бисмарк, «если ты не интересуешься политикой, то политика заинтересуется тобой».

Выводы ко 2 главе

По итогам 2 главы мы можем сделать такие выводы.

В словесной культуре эпохи архаичного общества и древнерусского государства группа *чужих* преимущественно характеризуется через отрицательно оценочные номинации и эпитеты с религиозной семантикой (басурман, безбожный), а также метафорические эпитеты, связанные с дикой природой (змея, собака). Номинация *свой* представлена положительно оценочными эпитетами с религиозной семантикой (благоверный, христианин) и формульными эпитетами и выражениями (славный богатырь, добрый молодец).

Словесная культура эпохи 17-19 веков в российской истории характеризуется, с одной стороны, появлением более разнообразных оценочных номинаций и усложненных различий между *своими* и *чужими* (казак, самозванец), а с другой стороны, возвратом к древнерусским традициям, но уже с упрощенными смыслами (басурман, добрый молодец), и добавляются оценочные этнонимы (ляхи, французы, русские).

В текстах первой половины 20 века мы можем наблюдать, что *чужими* становятся все образованные, верующие и обеспеченные люди и представлены такими обобщёнными номинациями с негативной оценкой: капиталисты, помещики, буржуи, попы, офицеры, кулаки. *Свои* же – в основном, простые и малообразованные люди, которые встали на сторону новой коммунистической идеологии: товарищи, красноармейцы, рабочие, крестьяне, советские люди.

Во время Великой Отечественной войны в класс *чужих* попадали любые номинации, в семантическом ядре которых находилась сема «немецкий» или связанные с идеологическими эпитетами «нацистский» и «фашистский».

Информационное пространство современного общества наиболее разнообразно и неоднородно в реализации оппозиции «свой-чужой»: смешиваются традиционные смыслы, новые тенденции, национальные, идеологические и политические номинации (гаджеты, хохлы, радикалы, либералы).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим выводам.

В первой главе на основе анализа большого количества научных работ мы дали развёрнутое определение языковой картине мира, показали особенности русской языковой картины мира и рассказали о бинарных оппозициях в культуре.

Таким образом, мы поняли, что тип мышления, разделяющий мир на два полюса, является традиционным с самого момента зарождения человечества. И если раньше разделять на своё и чужое было проще, то с каждым веком, приближаясь к современности, это становилось всё сложнее, т.к. накладывалось всё больше факторов. И в современном мире при огромном количестве различной информации это сложнее всего, но важно, как никогда. Поэтому во 2 главе мы рассмотрели оппозицию «свой-чужой» в рамках русскоязычного пространства на протяжении всей культурной истории, чтобы на примере русского народа лучше понять динамику развития оппозиции «свой-чужой» и разобраться, кто был *своим*, а кто - *чужим* и почему.

Во второй главе, взяв для анализа древнерусские, фольклорные, классические, советские и современные тексты, мы нашли множество компонентов языковой реализации семиотической оппозиции «свой-чужой», выявили, как эта оппозиция видоизменялась на протяжении отечественной истории, и сделали выводы, что с развитием общества представления о том, кто такие «свои» и кто такие «чужие», постоянно усложнялось, становилось многообразней, приобретало всё больше нюансов.

В словесной культуре древнерусского государства группа *чужих* преимущественно характеризуется через отрицательно оценочные номинации и эпитеты с религиозной семантикой (басурман, безбожный) и метафорические эпитеты, связанные с дикой природой (змей, собака). Номинация *свой* представлена положительно оценочными эпитетами с религиозной семантикой (благоверный, христианин) и формульными эпитетами и выражениями (славный богатырь, добрый молодец).

Словесная культура эпохи 17-19 веков в российской истории характеризуется, с одной стороны, появлением более усложненных различий между

своими и *чужими* (казак, самозванец), а с другой стороны, возвратом к древнерусским традициям, но уже с упрощенными смыслами (басурман, добрый молодец), и добавляются оценочные этнонимы (ляхи, французы, русские).

В текстах советской России первой половины 20 века мы можем наблюдать, что *чужими* становятся все образованные, верующие и обеспеченные люди, и представлены она такими обобщёнными номинациями с негативной оценкой: капиталисты, помещики, буржуи, попы, офицеры, кулаки. *Свои* же – в основном, простые и малообразованные люди, которые встали на сторону новой коммунистической идеологии: товарищи, красноармейцы, рабочие, крестьяне, советские люди.

Во время Великой Отечественной войны в класс чужих попадали любые номинации, в семантическом ядре которых находилась сема «немецкий» или связанные с идеологическими эпитетами «нацистский» и «фашистский».

Информационное пространство современного общества наиболее разнообразно и неоднородно в реализации оппозиции «свой-чужой»: смешиваются традиционные смыслы, новые тенденции, национальные, идеологические и политические номинации (гаджеты, хохлы, радикалы, либералы).

Границы оппозиции «свой-чужой» становятся очень размытыми и хрупкими. Порой даже если человек сохраняет полный нейтралитет, он всё равно может стать жертвой чьих-нибудь искаженных взглядов, ибо, как сказал Отто Фон Бисмарк, «если ты не интересуешься политикой, то политика заинтересуется тобой».

Любому человеку важно в жизни как-то идентифицировать себя и своих предков, чтобы иметь определённые взгляды на реализацию себя и своих потомков в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиева, Т.В. Языковые средства реализации концептуальной оппозиции «свой – чужой» в британском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2013. – 28 с.
2. Анненкова, И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2011. – 392 с.
3. Бабушкин, А.П. Стереотипы как средство понимания фактов «чужой» культуры // Проблема взаимопонимания в диалоге: Сб. науч. тр. / Ред.
4. Байбурин, А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л. Наука, 1990. – С. 3 – 17.
5. Баранцев, Р.Г. От бинарных оппозиций – к тернарному синтезу [Электронный ресурс]. – URL:
<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0019/d01/00160024.htm>
6. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
7. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984/1985. – М.: Наука, 1986. – С. 80 – 160.
8. Блок, А.А. Двенадцать. [Электронный ресурс]. – URL:
<https://ilibrary.ru/text/1232/p.1/index.html>
9. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
10. Былины. Исторические песни. Баллады. / Сост. А. Калугина, В. Ковпик. – Public Domain, 2008 – 620 с.
11. Венгранович, М.А. Стилистика фольклорного текста : учебное пособие / М.А Венгранович. – Тольятти : ТГУ, 2011. 266 с.
12. Выступление В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 года. [Электронный ресурс]. – URL:
https://ru.wikipedia.org/wiki/Выступление_В._М._Молотова_по_радио_22_июня_1941_года

13. Выходцева, И.С. Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре: 20-30-е гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2006. – 20 с.
13. Петрова М.Л. Концепт «свой/чужой» в журналистике и литературе России и Франции на рубеже XX-XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 26 с.
14. Гумбольдт, В. фон Язык и философия культуры. – Москва.: Прогресс, 1985. – 450 с.
15. Гуревич, А. Одиссей. Человек в истории 1993: Образ «другого» в культуре. – М.: Наука, 1994. – 331 с.
16. Документы о восстании Разина. [Электронный ресурс]. – URL: <https://history.wikireading.ru/300358>
17. Задонщина. [Электронный ресурс]. – URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/zadonschina/zadonschina-original.htm>
18. Залевская, А.А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21 – 24 апреля 2003 г., Курск) / ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. Воронеж: ВГУ, 2003. С. 41-47.
19. Иконникова, Я.В. «Свое» и «Чужое» в прозе А.И.Куприна: проблематика и поэтика: автореф. дис. канд. филол. наук. – Тамбов, 2013. – 25 с.
20. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 356 с.
21. Касевич, В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. СПб, 1998.
22. Климкова, Л.А. Нижегородская топонимия в языковой картине мира: монография/ науч. ред. И.А. Ширшов. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
23. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова...» – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с. – (Язык и время. Вып. 2).
24. Колесов, В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. – 326 с.

25. Крымская речь Путина (2014). [Электронный ресурс]. – URL:
[https://ru.wikisource.org/wiki/Крымская_речь_Путина_\(2014\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Крымская_речь_Путина_(2014))
26. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 141-172
27. Леглер, А.А. Особенности вербализации бинарно-понятийной оппозиции «свой – чужие» в художественной публицистике Гюнтера Вальрафа: авто-реф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 28 с.
28. Лермонтов, М.Ю. Бородино. [Электронный ресурс]. – URL:
<https://ilibrary.ru/text/2/p.1/index.html>
29. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. [Электронный ресурс]. – URL:
https://ps.vk.me/c539202/u100354823/69ISSN_2072-8379
30. Лосев, А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
31. Лурия, А.Р. Язык и сознание. М., 1975.
32. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / Мн.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
33. Мелетинский, Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. – М.: Наука, 1977. – 343 с.
34. Мелетинский, Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
35. Мелетинский, Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп, В.Я. Собрание трудов: Морфология / Исторические корни волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 437–466.
36. Морковкин, В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М., 1996. 415 с. 405
37. Мулляр, Л.А. Диалектика концепта «успех – упадок» в сказочном измерении // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 16. – С. 50–58.
38. Обращение к Красной Армии (Ленин). [Электронный ресурс]. – URL:
[https://ru.wikisource.org/wiki/Обращение_к_Красной_Армии_\(Ленин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Обращение_к_Красной_Армии_(Ленин))

39. Обращение Козьмы Минина к народу русскому. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/laima852/post334756832/>
40. Пасечный, Ю.Д. Признак персонажа и оппозиция как фактор, определяющий полифункциональность персонажа волшебной сказки // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск IV. Народная культура и проблемы её изучения. Сборник статей / Материалы научной региональной конференции 2004 г. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. [Электронный ресурс]. – URL: http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4.htm
41. Патриарх Кирилл предостерег верующих от чрезмерного использования гаджетов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/5978531>
42. Петроченко, М.Н. Семантический компонент «свой/чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 23 с.
43. Повесть о разорении Рязани Батыем. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.drevne.ru/lib/ryazan_o.htm
44. ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА С ФРОНТА. 1941 (сборник). – Москва: Военное издательство, 1991. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.molodguard.ru/heroes575.htm>
45. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
46. Прокофьева, В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. – С. 87–94.
47. Пушкин, А.С. Борис Годунов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/465/p.1/index.html>
48. Руберт, И.Б., Шишова Ю.Л. Мифологема в языке и литературе // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей, посвящён-

ный юбилею гуманитарного факультета. Выпуск 4. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 320 с.

49. Русская историческая песня / Ред. Андреев, Ю.А. – М.: Советский писатель, 1990.
50. Русско-византийский договор. [Электронный ресурс]. – URL: <http://doc.histrf.ru/10-16/russko-vizantiyskiy-dogovor/>
51. Сахно, С.Л. «Свое – чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 95 – 102.
52. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. М.: Наука, 1988. 244 с.14. Маслова В.А. Линвокультурология: учеб. пособие. – М.: «Академия», 2004. – 208 с.
53. Серебренникова, А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» «чуждости» (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. канд. филол. наук. – Томск, 2004. – 30 с.
54. Словарь литературоведческих терминов. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.grammar.ru/1.php?ir=2&ip=3&id=0>
55. Словарь по религиоведению. Бинарные оппозиции и их разрешение. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/religiovedenie/64.htm>
56. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Тула: Приокское книжное издательство, 1986. 462 с.
57. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
58. Твардовский, А.Т. Василий Тёркин / Собрание сочинений. – М.: Художественная литература, 1966. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/terkin.txt>
59. Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
60. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>

61. Толстой, Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Москва.: ИНДРИК, 1995 – 509 с.
62. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 108-140.
63. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности. М.: «Вост.лит.» РАН, 1998. 798 с.
64. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2498>
65. Хохлина, М.Л. Онтология культурно-когнитивного анализа «своего» и «чужого» во фразеологической парадигме: монография / науч. ред. Л.Г.Золотых. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – 141 с.
66. Чуликов, Ю.М. Русское и британское культурные пространства в аспекте межкультурного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. –Нальчик, 2011. – 20 с.
67. Шабалина, О.И. Фольклорное сознание как способ духовно-практического освоения действительности. Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Магнитогорск, 2000. 21 с.
68. Шведова, Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16.
69. Энциклопедия культуры и общества. [Электронный ресурс]. – URL: <http://glossword.info/index.php/term>